

«Оркестры своими программами воспитывают у публики сахарный диабет»

Композитор Владимир Тарнопольский — о том, почему молодежь уходит из филармонических залов

Фото: ИЗВЕСТИЯ

7 июня в Рахманиновском зале Московской консерватории состоится заключительный концерт из цикла «Звуковой поток». Масштабный проект длиною в год в рамках Года России и Германии организовал Центр современной музыки при МГК. Директор центра, композитор Владимир Тарнопольский ответил на вопросы корреспондента «Известий».

— Почему вы решили назвать проект «Звуковой поток»?

— Последнее десятилетие экономическое сотрудничество между Россией и Германией развивается весьма успешно. Самым громким примером тому стал строящийся газопровод «Северный поток». Но в гуманитарной сфере есть ощущение, что наши ценностные ориентиры расходятся всё дальше и мы понимаем друг друга всё меньше. Мне кажется, что если нас не объединяют общеевропейские духовные ценности, а соединяет лишь труба, то тогда и «дело труба». Поэтому название нашего проекта родилось в некой полемике с газопроводом «Северный поток».

— Всё задуманное при создании проекта удалось реализовать?

— Задача проекта решена успешно. Но сверхзадача — дать новый импульс культурным связям России и Германии — не решена вовсе. В Германии в рамках Года российской культуры русская музыка была представлена даже меньше, чем в обычные годы. Единственный русский мини-фестивальчик из шести концертов прошел в Берлине, и в его программу «по случайности» затесалось лишь одно сочинение современного автора. В музыкальном отношении год России в Германии остался вызывающе безответным.

— В чем причина такого невнимания со стороны Германии?

— Прежде всего в заметном падении интереса к России, откуда постоянно идут разочаровывающие немцев новости. Германия — страна политически активных граждан, их в первую очередь интересует НКО (некоммерческая организация. — «Известия») и подобные проблемы. Наши абстрактные музыкальные построения воспринимаются именно в этом культурно-политическом контексте.

— Ваша организация является НКО и получает помощь от зарубежных фондов. Не боитесь попасть в разряд иностранных агентов?

— Нет, ведь мы занимаемся культурой, а не политикой. У нас нет постоянных зарубежных спонсоров, мы обращаемся к разным организациям с конкретными проектами. Без поддержки иностранных фондов мы не сможем играть даже русскую классику: Стравинского или Шнитке. Аренда нотных материалов у иностранных издательств, обладающих правами на определенных композиторов, стоит немалых денег.

— Несколько лет назад вы говорили: «Если все современные композиторы всего мира одновременно переселятся на Луну, наши оркестры и театры этого просто не заметят». Сейчас ситуация не изменилась?

— Подобные слова я говорил десятки раз, но они остаются гласом вопиющего в пустыне. Репертуар российских оркестров — это приговор нашей музыкальной культуре. Современную музыку они практически не играют. Даже хрестоматийная зарубежная классика середины XX века у нас еще ни разу не прозвучала. Уверен: в Германии замечательные автомобили производят потому, что в этой стране активно поддерживают современное искусство. Именно в искусстве экспериментально апробируются новые идеи, которые потом перейдут в прикладной дизайн и передовую технологию.

— У слушателей современная музыка востребована?

— На наших концертах в Москве зал почти всегда переполнен. Мы много лет с занудной последовательностью проводим просветительскую программу, представляя широкую панораму различных направлений: от раннего русского авангарда до сегодняшних экспериментальных перформансов. За эти годы в Москве сформировалась потрясающе чуткая и образованная публика. В крупных городах ощущается голод на новую музыку. Наш духовный голодомор породил и новые тенденции. Оркестры своими «облегченно-сладкими» программами воспитывают у публики своего рода сахарный диабет, поэтому молодежь сейчас активно уходит из традиционных филармонических залов на альтернативные площадки, где говорят на современном музыкальном языке о сегодняшних проблемах. К сожалению, часто это «язык улицы», но другого ей никто не предлагает. Если сегодня мы кардинально не поменяем нашу репертуарную политику, завтра мы публику потеряем вовсе.

— На ваш взгляд, какое место в условном рейтинге коллективов, исполняющих современную музыку, занимает ансамбль «Студия новой музыки»?

— В мире есть группа «абсолютных лидеров» — ансамбли «Модерн», Klangforum Wien, Intercontemporain. Мы стремимся к этому уровню. Уже 20 лет «Студию» возглавляет дирижер Игорь Дронов, и, думаю, по количеству проведенных премьер его имя можно вносить в Книгу Гиннеса. Для проекта «Звуковой поток» несколько известнейших немецких композиторов — такие мэтры, как Николаус Хубер и Энно Поппе, — написали новые сочинения, доверив их премьеры «Студии новой музыки». Это предмет нашей гордости.

— Как вы относитесь к закону об обязательной аттестации творческих работников раз в пять лет?

— С большим энтузиазмом. Но необходимо, чтобы эти конкурсы были не «междусобойчиками», а членами конкурсной комиссии являлись известные специалисты. Думаю, реальные конкурсы должны проводиться не только в сфере искусства, но и среди преподавателей высшей школы, среди чиновников и обязательно — политиков.